

Виталий Калгин

ВИКТОР ЦОЙ
ЖИЗНЬ
И «КИНО»

Москва
Издательство АСТ

УДК 785.071.1(470)

ББК 85.318

К17

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

В оформлении обложки использована фотография Астафьева Александра.

Содержит нецензурную брань.

Калгин, Виталий.

К17 Виктор Цой. Жизнь и «Кино» / Виталий Калгин. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь, 2024. — 304 с: ил. — (Легенды русского рока).

ISBN 978-5-17-133635-6

15 августа 1990 года на трассе Слока — Талси в Латвии произошла трагедия, унесшая жизнь самого знаменитого русского рок-музыканта Виктора Цоя. Прошло 30 лет, однако его музыка по-прежнему продолжает жить в сердцах людей: песни группы «КИНО» исполняют на уличных концертах и проигрывают на радиостанциях. Его творчество знакомо всем: и уже состоявшимся меломанам, выросшим на музыке Цоя, и совсем юным школьникам. Эта биография — возможность узнать больше о человеке, внесшем неоценимый вклад в русскую рок-музыку.

В издании публикуются дополнительные материалы — фотографии из личного архива музыканта, а также черновики его творчества.

УДК 785.071.1(470)

ББК 85.318

ISBN 978-5-17-133635-6

© Виталий Калгин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2024

«Моя задача — писать песни. Делать их как можно лучше, как я могу это сделать. Где я буду их петь? я считаю, это не моя проблема. Если я имею возможность, значит, буду петь на стадионе. Если нет — то я буду петь в подвале, где-нибудь в квартире, даже если 10 человек соберется. Неважно».

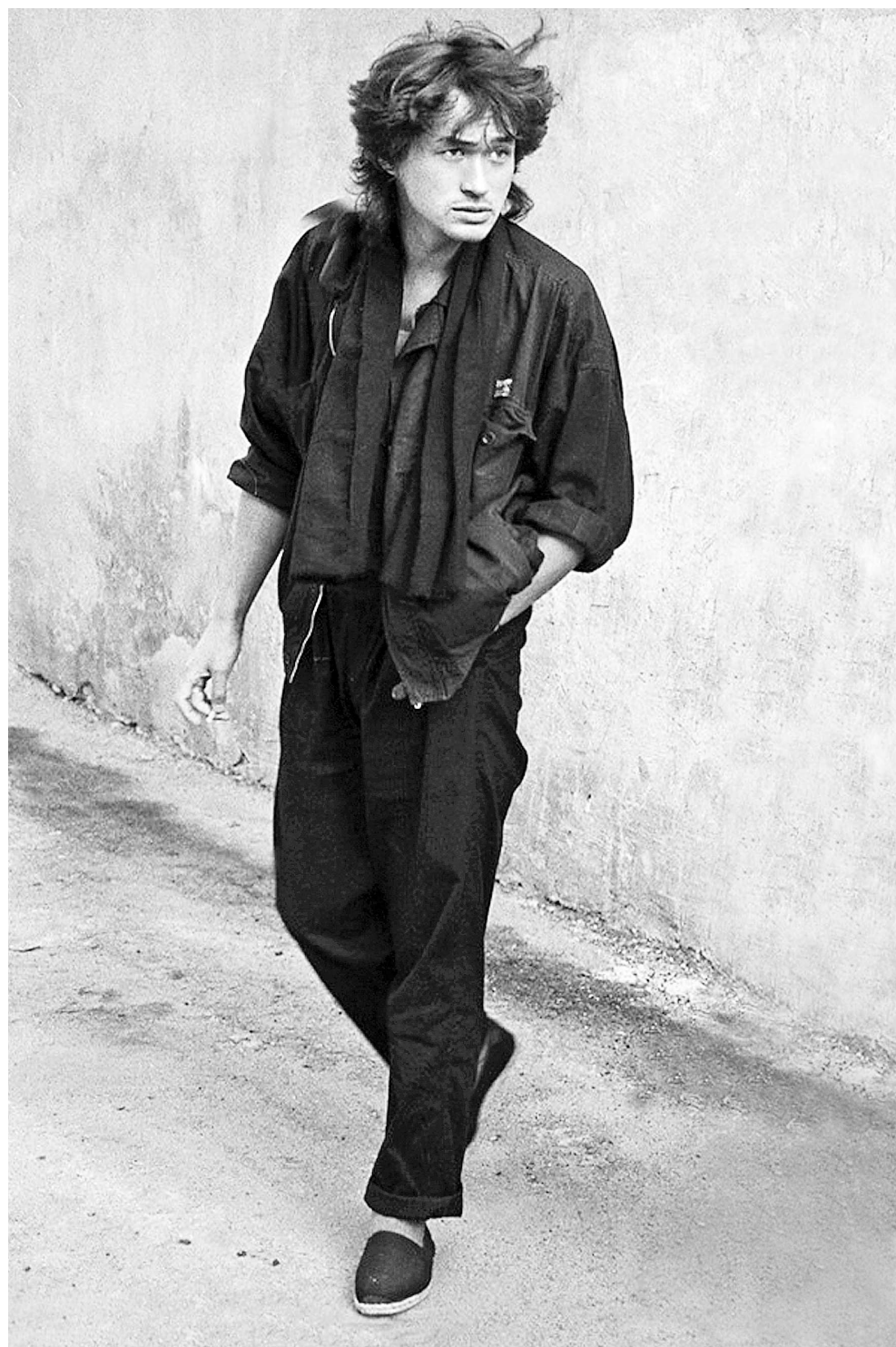
Виктор Цой
(Новосибирск, декабрь 1988 года)

«...И стихи, и музыка, и живопись, и кино мне нужны для того, чтобы проще находить с людьми общий язык».

Виктор Цой
(Таллинн, лето 1987 года)

«Я очень рад, что мои песни нравятся людям. Для меня это вообще важно, что меня понимают».

Виктор Цой
(Севастополь, май 1990 года)

От автора

Осенью 2010 года произошла целая цепочка неких событий, которые сподвигли меня задуматься над написанием книги о Викторе Цое. Такой книги, которая бы стала альтернативой всем уже написанным за 20 лет. Покойный писатель Александр Житинский как-то говорил, что за все 20 лет, на то время прошедших со дня смерти Цоя, ни одной нормальной книги о нем написано не было. и вот появилось решение в какой-то мере восполнить этот пробел.

Я никогда не писал книг. Никогда и совершенно не думал, что когда-либо мне придется это делать, писать, рассказывать о чем-то и вообще... Но, как говорится — назвался кузовом — принимай грузди...

Как я уже говорил, осенью 2010 года в моей жизни произошла цепочка неких событий, которые во многом повлияли на меня и явились как бы стартом работы над книгой. у меня часто спрашивают, что это за события, но я не буду вдаваться в подробности, все было довольно просто на самом деле. Итак — я решил написать книгу о «КИНО». Разумеется, неверие в собственные силы долго мешало мне решиться на столь важный шаг, но в итоге мне удалось убедить самого себя в целесообразности данного проекта, и я взялся за дело.

Итак, я взялся за подготовку книги. Мне предстояла гигантская работа, масштаба которой в то время я даже не представлял. Только сегодня, по прошествии пяти лет, я, оглядываясь назад, понимаю, что именно я сделал. и чего мне это стоило...

В течение 2011 и части 2012 года я усиленно собирал материал для будущей книги. Что-то приходило легко, что-то давалось с кровью... о своей работе над книгой, своих поездках, встречах и написании книги я обязательно когда-нибудь расскажу... Мысль об этом пришла ко мне еще в самом начале моей работы — когда я затеял все это, я сразу сказал самому себе, что обязательно расскажу, как именно все проходило, какие чувства меня обуревали и чем я жил в этот момент, что за люди были вокруг меня... Хотя пока я не знаю — нужно ли это и стоит ли результат труда...

Как бы там ни было, но к весне 2012 года сбор материала был практически завершен, началась работа по выстраиванию текста. в феврале 2013 года книга, уже переделанная мною несколько раз, была, по сути, готова. Были обрисованы основные вопросы и аспекты, о которых хотелось сказать. и тут выяснилось, что, выводя текст на финишную прямую, я забыл о самом главном. Рассуждая о группе «КИНО» я совершенно не отразил само творчество группы, песни Виктора Цоя... и вот эта книга, которую Вы, дорогие читатели держите в руках, в какой-то степени является продолжением моей первой работы.

В этой книге сделана по большому счету первая серьезная попытка собрать все основные, известные тексты песен Виктора Цоя, а так же его совершенно неизвестные широкой массе людей произведения, включая черновики детских школьных сочинений и наброски последних песен, написанных в Латвии, в августе 1990 года...

Всем известно, сколько лет поклонники «КИНО» ждали обнародования второй или иной формы черновиков Виктора. Неизвестно, как бы отреагировал на это сам Цой, ведь по многочисленным воспоминаниям — Виктор не одобрял подобных публикаций и вряд ли бы допустил такое. Все это понятно. Его воля священна. Любой поэт, пока жив, не публикует свои черновики. Это интересно уже после смерти гения, интересно потомкам. Это история. Это интересно и важно для тех, кто хочет его понять. Воля живого человека — это один вопрос. а память об умершем — совсем другое...

Сегодня со дня смерти Виктора Цоя прошло 30 лет. И сегодня Цой — достояние нашей культуры. Наше всеобщее сокровище. и только это дает право на какие-либо публикации.

Могу заметить, что если принимать во внимание все проблемы и тягомотину, которые тормозили выход книги порой совершенно невероятными способами — я готов поверить в то, что Виктор до сих пор не желает публикации собственных черновиков. Однако тот факт, что Вы, дорогие читатели, сегодня держите в руках эту книгу, говорит о том, что Цой все-таки дал добро....

Питерский культуролог Андрей Хлобыстин в одном из своих интервью выразил яркую мысль, о том, что Цой еще при жизни вошел в число так называемых малых богов русского национального пантеона. Он стал в ряд людей, выдавших идеальную версию русской культуры. Пушкин, Гагарин, Хармс, Пастернак, Цветаева, Высоцкий и многие другие. и в этом ряду — Цой, выдавший гармоничную, идеальную российскую версию культуры ориентированную и направленную не на какого-то религиозного какого-то деятеля, какого-то начальника или философа. Версия Цоя ориентирована на поэта. На певца. При этом нужно помнить и, безусловно, всегда отмечать то, что Цой всегда повторял, что «КИНО» это поп-группа. По сути — это торжество Цоя, его победа, торжество медиа, что всегда и поражало, раздражало всех тех, кто не принимал, не понимал и был против. Это был его путь. Путь чести. Основной путь, который сегодня, увы, утерян.

С этим очень хочется согласиться. Действительно — Цой вошел в кантон светлых Богов и ориентиров, и, несомненно, будет жить если не в веках, то, по крайней мере, живет сейчас... Сегодня Цой — это гармоничная личность, ко-

тору слушает и гопник, и бизнесмен, и интеллектуал, и каждый находит в его творчестве свое. Хотят ли этого или нет. и совершенно неважно, кто сегодня хранит черновики, картины, поделки Виктора. у творчества таких людей, как Цой, Пушкин, Пастернак или Высоцкий нет хозяев. и быть не может. и мне кажется, что Цой бы согласился этим утверждением.

Публикация неизвестных черновиков стала возможной благодаря Наталии Разлоговой, матери Марьяны Цой — Инне Николаевне Голубевой и сыну Виктора — Александру Цою, сохранившим, и предоставившим в мое распоряжение основной архив: черновики, тексты, блокноты с рукописями, графическими и текстовыми зарисовками Виктора... Спасибо им за это.

Спасибо музыкантам группы «КИНО» — Юрию Каспаряну, Игорю Тихомирову и безвременно ушедшему от нас Георгию Гурьянову, которые одобрили саму идею издания подобной книги и помогли комментариями, давшими бесценную информацию. Спасибо всем тем, чьи материалы были использованы в создании этой книги. Спасибо моим близким и родным людям, бывшим со мной рядом во время моей работы, спасибо всем тем, кто так долго ждал, верил и надеялся...

Особая благодарность авторам, которые безвозмездно разрешили использовать свои фотоматериалы в книге. Хочется сказать огромное человеческое спасибо Джоанне Стингрей, Дмитрию Защеринскому, Владимиру Быстрову, Александру Бойко, Юрию Врацких, Алексею Вишне, Валерию Алахову, Юрию Бойко, Виктору Лаврешкину и другим, чьи материалы использованы в этой книге.

Хочу выразить особую благодарность людям, поддержавшим меня в моем начинании, людям которые, несмотря на все сложности современной жизни, нашли возможность помочь мне подготовить данный труд. Благодарю: Дмитрия Давыдкина (Москва), Александра Каминского (Николаев), Ларису Михно (Санкт-Петербург), Максима Ефремова (Тула), Владимира Митина (Москва), Марию Бурдакову (Москва), Наталью Лебедеву (Санкт-Петербург), Павла Малаева (Санкт-Петербург), Светлану Галямину (Курган), Александра Золотова (Луганск), Алексея Николаевского (Калуга), Владимира Воробьева (Нижний Новгород), Дмитрия Кубышкина (Дедовск), Ксению Новоселову (Санкт-Петербург), Любовь Михайлову (Санкт-Петербург), Александра Зиборова (Санкт-Петербург), Марианну Кучерук (Астрахань), Алену Ащеркину (Санкт-Петербург), Елену Градзион (Можайск), Наталью Бурд (Белорецк), Наталию Леонову (Москва), Позднякова Алексея (Воронеж) и прочих людей, пожелавших остаться неизвестными.

Многие из приведенных в этой книге строк должны были лечь в будущие песни Виктора Цоя. Строки, так и не ставшие песнями...

Как известно, Цой часто подчеркивал в интервью, что не пишет не стихи, а лишь тексты песен. Большинство его текстов именно так и воспринимаются. Без мелодии они смотрятся сиротливо и, даже, немного неуклюже. Но есть в творчестве Виктора и несколько стихотворений. Именно стихотворений. Самодостаточных, полноценных и легко воспринимаемых без музыкального сопровождения. Наверняка, они тоже задумывались Виктором, как песенные тексты. Но, по каким-то неизвестным для нас причинам, не стали ими.

Вряд ли в подобном случае уместно сослагательное наклонение: а что было бы, если бы... Можно долго гадать, какой бы вид приобрели в окончательном варианте все эти наброски, сделанные на скорую руку, когда нет времени даже на запятые, но доподлинно узнать нам это уже не суждено. Поэтому примем все так, как это оставил нам Виктор.

Я старался приводить черновики так, как они есть, ничего не меняя, лишь квадратными скобками выделял зачеркнутые Виктором слова. Известно, что Цой игнорировал знаки препинания, поэтому официально известные песни приведены совершенно без них, а черновые авторские варианты приведены именно так, как написаны автором. Надеюсь, все будет четко и ясно.

Если у кого-либо из читающих сохранились еще какие-нибудь строки произведений Виктора Цоя, доселе не известные общественности — огромная просьба связаться со мной, автором этой книги, чтобы совместными усилиями пополнить данную работу.

Спасибо всем тем, кто читает эту книгу. Спасибо всем тем, кто любит и помнит Виктора Цоя и группу «КИНО».

Часть 1

Цой и его «КИНО»

«КИНО». Вот уже тридцать лет это слово встречается в лифтах, на стенах домов и подъездов... Количество надписей год от года варьируется, но они никогда не пропадали совсем. Четыре коряво написанные буквы стали символом скорби, плача по «КИНО», известной питерской рок-группе, причисляемой и к пост-панкам, и к «новой волне», группе, продолжающей оставаться культовой даже спустя три десятилетия с момента гибели своего лидера. Фраза «Цой жив!» по популярности, пожалуй, может сравниться с лозунгом «Родина или смерть!». 30 лет назад Цой погиб в автокатастрофе, но по-прежнему остается гореть «Звездой по имени Солнце» русского рока.

Широкое использование программируемых эффектов ритм-компьютеров и драм-машин в музыке «КИНО» придавало ей неповторимый синтетический дискотечный налет. Тексты песен Виктора Цоя были четким, почти фотографичным отражением как подростковых любовных и иных переживаний (к примеру, «Это не любовь» или «Подросток»), так и тем смерти и смысла жизни, одиночества и высокой гражданственности, как, например, песня «Хочу перемен».

Сложно судить, что было источником вдохновения Виктора Цоя, какие образы им руководили и вели его на протяжении всей его жизни, но можно сказать, что Виктор предпочитал довольно широкий круг музыки. Влияние The Beatles, The Cure, The Smiths, Siouxsie & The Banshees, Duran Duran и прочих, а также многочисленных фильмов с Брюсом Ли отчетливо можно увидеть как в концертных записях выступлений «КИНО» разных лет, так и в фильме «Игла», в котором Цой сыграл главную роль...

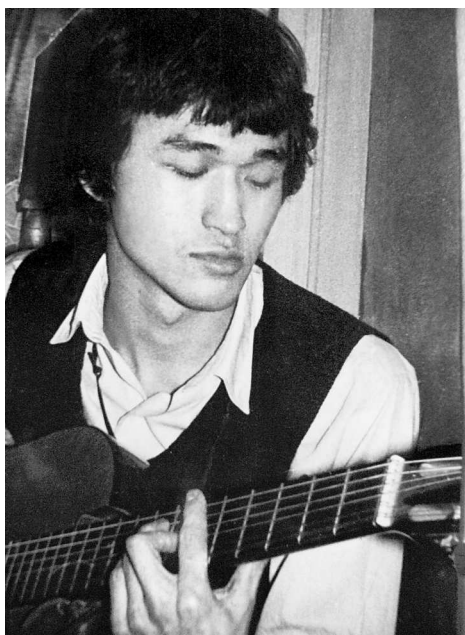
И все же нельзя сказать, что Цой слепо копировал западные образцы только потому, что это было модно. На самом деле его тексты весьма оригинальны и отличаются особой авторской индивидуальностью, в них проскальзывают образы, которые близки русской культуре. То есть он переосмысливал все это, он вносил в свои песни свое собственное понимание смысла жизни, любви, смерти, места в этом мире...

Именно феерические личности Цоя и музыкантов «КИНО» и удивительная, ни на что не похожая музыка, балансирующая на грани рока и дискотечной попсы, оказались, вероятно, главным ключом, открывшим группе дверь в бессмертие.

Писательница Марина Струкова:

За много лет, прошедших со дня гибели Виктора Цоя, его имя успело стать магическим символом для поклонников и брендом для бизнесменов от культуры и политики. На всенародной любви к певцу пытались строить свою карьеру партии, делая его песни гимном и выходя на демонстрации с портретами «звезды», наживались продавцы атрибутики с символикой группы, привлекли внимание к своим проектам организаторы музыкальных фестивалей. Одни критики обвиняли его в примитивизме, другие констатировали гениальность. Ему ставили и убирали памятник. Его Стену на Арбате закрашивали черной краской. Журналисты выпросили все до мелочей у близких Виктора. Провели исследования песен в поисках пророчеств. Сняли фильмы и написали книги. Сочинили скорбные стихи и анекдоты. Появились антифанаты, ненавидящие Цоя только потому, что у него корейская фамилия. Но песни его продолжают звучать и находить новых слушателей...¹

Разумеется, поклонники «КИНО» уже давно знакомы с историей группы и биографией самого Виктора Цоя, но в мире есть огромное количество людей, совершенно не знакомых с творчеством этой группы, и этот весьма краткий рассказ будет в большей степени ориентирован на них. Итак...

▲ *Виктор Цой.
Квартирный концерт.
1983 год. Фото В. Быстров*

Родился Виктор Цой 21 июня 1962 года в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье учительницы физкультуры и инженера. Брак был смешанным: отец, Роберт Максимович, по происхождению — этнический кореец из Казахстана, мать, Валентина Васильевна, — русская, урожденная ленинградка.

Несколько лет назад, благодаря стараниям московского историка Дмитрия Шина, выпускавшего газету для проживающих на территории России корейцев, удалось выяснить большое количество фактов, касающихся как семьи Цой, так и семьи Гусевых, из которой происходила мама Виктора. Чтобы рассказать о них подробно, потребуется отдельная книга (которую, собственно, Дмитрий Шин уже написал), поэтому я расскажу лишь немного, коротко о главном.

Как известно, каждая корейская фамилия имеет свой пой (клан). Пой Виктора Цоя назывался Вончжу. В Корейской национальной библиотеке в Сеуле даже сохранилась родовая книга этого клана — «чокпо». Что касается фамилии Цой, то это одна из семи самых известных корейских фамилий. Она имеет 23 бона. Если переводить буквально, «цой» — это высота. Иероглиф «цой» на ханмуне (древнем языке, основанном на китайской грамматике) изображает дом у горы с тремя вершинами и человека, а иметь изображение дома в фамилии — очень почетно. Единственное на сегодняшний день упоминание о прадедушке Виктора Цоя — Цой Ён Наме — нашлось в посемейном списке корейского населения Владивостока за 1913 год, чудом сохранившемся в одном из дальневосточных архивов.

По данным архива, Цой Ён Нам (1893–1917) родился в корейском городе Сонджине (ныне Ким-Чхэк), провинция Северный Хамген (Хамген-Пукто), на территории современной КНДР. В то время Сонджин представлял собой небольшую рыбацкую деревню на берегу Японского моря. В 1907 году вместе с небольшой группой корейцев Цой Ён Нам переселился в Россию, во Владивосток, где жизненные условия были несколько лучше. Там он женился на Анне Васильевне Югай (1896–1985), и в 1915 году у них появился на свет дед Виктора — Цой Сын Дюн (Максим Петрович), одна из ярких личностей в корейской ветви фамилии Цой.

В 1917 году в России проживало около 100 тысяч корейцев, причем в Приморском крае они составляли почти треть всего населения. В этих местах корейцы селились еще до появления первых русских колонистов, но во второй половине XIX века ехали сюда специально, чтобы получить подданство Российской империи.

Именно корейцы первыми в СССР подверглись сталинской депортации по национальному признаку. В 1937 году на основании постановления Совнаркома СССР корейцев депортировали в Казахскую ССР и Узбекскую ССР под предлогом «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край».

В 1937 году вместе со всем корейским населением Приморья семья Цой была депортирована в Казахстан и жила в Кызыл-Орде. Закончившего в 1941 году на «отлично» пединститут деда Виктора приняли на работу в НКВД в отдел контрразведки. Там он служил 15 лет. Работа была связана с пленными японцами, которые тогда размещались и в Казахстане. После окончания войны Цой Сын Дюн был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». В 1957–1958 гг. дед Виктора — Цой Сын Дюн — работал на Сахалине старшим уполномоченным УКГБ по Сахалинской области. Чуть позже он перешел на службу в МВД и закончил свою карьеру майором милиции. Что касается бабушки Виктора — Ким Хе Ден (Надежда Ким) — (1917–2001), то супруга деда-контрразведчика прожила долгую жизнь, в молодости профессионально пела и выступала в корейском хоре при радиовещании Приморского облрадиокомитета, и до депортации 1937 года в составе этого хора частенько ездила в Москву записывать песни. Как мать-героиня бабушка Виктора Цоя была награждена «Медалью материнства».

У Цой Сын Дюна было четыре сына: Юрий, Роберт, Леонид, Лев и дочь Алла.

Роберт Максимович Цой, один из средних сыновей Сын Дюна, поступил в Ленинградский Механический институт (впоследствии Военмех) на инженерный факультет, несмотря на плохое знание русского языка. После смерти Сталина притеснения корейцев почти прекратились, поэтому появилась возможность для отъезда из зоны депортации и учебы в престижных вузах.

Мать Виктора Цоя, Валентина Васильевна Цой, родилась в Ленинграде. Ее дед, Филимон Алексеевич Гусев (1880–1939), происходил из государственных крестьян деревни Исаковщина Городокского уезда Витебской губернии. В минском архиве сохранился люстрационный акт этой деревни — дело о выкупе крестьянами казенных наделов. В том числе в нем упоминается прапрадед Цоя Алексей Гусев. Кстати, сама деревня сохранилась до сих пор и находится ныне в Великолукском районе Псковской области.

Филимон Гусев служил в царской армии, в 86-м пехотном Вильманстрандском полку (располагался в городе Старая Русса под Новгородом). Когда началась русско-японская война, Филимон Гусев через всю страну поехал на Дальний Восток. И уже после окончания войны, в 1906 году, на императорском смотре в Петергофе из рук Николая II получил награду за храбрость — Георгиевский крест. Филимону Гусеву, выходящему из простой крестьянской семьи, удалось дослужиться до подпрапорщика — это последний чин перед офицерскими. Во время революции Филимон Алексеевич остался в родной деревне, где позже работал бригадиром в колхозе. Женат Филимон Гусев был на Агафье Антоновне Силиной (1890–1910) и имел двух детей — сына Василия и дочь Екатерину. В 30-е годы Гусев был арестован, скорее всего, именно за службу в царской армии. Умер он в 1939 году от туберкулеза. Его сын, дед Виктора, Василий Гусев (1910–1974) перебрался в Ленинград, где пережил блокаду. После войны работал кузнецом на заводе «Молодой ударник». В браке с Марией Осиповной Гусевой (1915–1988) имел двух дочерей — Веру и Валентину. После окончания школы тренеров при институте Лесгафта юная учительница Валентина Васильевна получила направление с распределением на Карельский перешеек, в небольшой поселок Кирилловское, где ей предстояло работать в обычной сельской школе два года.

Как рассказывала сама Валентина Васильевна, со своим будущим мужем она познакомилась в 1960 году, на новогоднем вечере.

Валентина Васильевна Цой:

Встреча произошла накануне 1961 года. Я тогда работала учителем физкультуры в поселке Кирилловское, под Ленинградом. Роберт приехал с друзьями к моей подруге встречать Новый год. А через три дня уже сделал мне предложение. Я еще подумала, что, может быть, у восточных мужчин так принято — долго не размышлять перед женитьбой? Мне тогда все девчонки завидовали. «Роберт у тебя красавец — высокий, стройный кореец», — говорили они. Но я серьезно к его предложению не отнеслась. Решила: выйду замуж, а если не понравится, разведусь. При нашей первой встрече Роберт был с гитарой — так она и вошла в наш дом².

▲ В школе. Фото из архива семьи Цой.

13 февраля 1961 года молодая пара узаконила свои отношения в недавно открывшемся Дворце бракосочетания, расположенном на Английской набережной Ленинграда, а 21 июня 1962 года в роддоме Московского района города Ленинграда (станция метро «Парк Победы», улица Кузнецовская, д. 25) у Роберта и Валентины появился на свет мальчик.

Валентина Васильевна Цой:

Через полтора года после свадьбы у нас появился ребенок. Витя родился рядом с московским парком Победы, в маленьком двухэтажном здании, там сейчас база какая-то, а был родильный дом...

Когда он родился, Роберт Максимович пришел в роддом и говорит мне: «Назови его Виктором!» Уж не знаю, какая его муха укусила. Я хотела Димой назвать, как-то вроде помягче имя. Ну, Виктор так Виктор, я уступила. Виктор означает «победитель», но он не был победителем в жизни, вперед никогда не лез, был очень спокойным...³

В детском саду Витя был не слишком активным ребенком — стеснялся своей азиатской внешности, того, как разительно отличался от всех остальных детей, которых сторонился, и даже играл отдельно, предпочитая что-то лепить из пластилина. При этом он все время чувствовал любопытство и внимание остальных к себе, а от этого смущался еще больше.

«Я все время боялась, что его побьют, — вспоминает Валентина Цой. — Даже прозвище ему дали — Япощка»⁴.

Цой на это не то чтобы обижался, скорее, еще больше замыкался в себе. Впоследствии в одном из интервью **Виктор Цой** говорил:

В детстве меня дразнили «японцем», и я очень обижался. Сейчас мне в голову не придет выяснять, кто по национальности мои друзья. Есть среди них русские, украинцы, евреи, армяне... Но это не мешает нам общаться. Я думаю, вести такой учет просто глупо. Люди не делятся на хороших немцев и плохих французов⁵.

1 сентября 1969 года маленький Витя Цой пошел с первый класс, в школу, где преподавала его мать. Считается, что Валентина Васильевна искала в ребенке способности и стремилась раскрыть их, старалась воспитывать Витю сама и ограждала его от влияний со стороны. По ее словам, она любила читать ему книги из серии «Жизнь замечательных людей», хотела заинтересовать Виктора тем, как формируются талантливые люди, и таким образом помочь сыну раскрыться. Как известно, именно Валентина Васильевна заметила у сына талант к рисованию и отдала его в художественную школу, где и началось увлечение Цоя рок-музыкой.

В начальных классах Витя учился довольно неплохо, но явную склонность проявлял разве что к рисованию, и в 1974 году (с четвертого класса) родители отдали его в художественную школу «Казанский собор». Уже со средней школы Виктор все больше проявлял себя как «гуманитарий»: его интересовали литература и искусство, а точные науки не находили какого-либо интереса и отклика в его душе. В 7-м классе появились тройки, и окончание восьмилетки чуть не стало проблемой. К этому времени Виктор уже решил стать художником, и успеваемость по общеобразовательным предметам перестала его волновать.

Первая гитара, подаренная Виктору родителями, появилась в 5-м или 6-м классе. Отец Виктора, Роберт Максимович, показав сыну первые аккорды, совершенно не мог тогда представить, чем впоследствии станет новое увлечение сына. Виктор же, подойдя к делу очень серьезно, быстро освоил гитару и уже в 8-м классе организовывал в школе свою группу.

▲ *Виктор Цой и Алексей Рыбин. 1982 год.
Фото А. Вишня.*

Роберт Максимович, отец Виктора, вспоминал, что иногда Виктор заперся в ванной, где часами мог брэнчать на гитаре и «выть» — «напевать юношеским, непоставленным голосом какие-нибудь песни»⁶.

Ломающийся голос походил на девчачий, что очень смущало Виктора.

Виктор Цой:

Я не избегаю общей участи мальчишек моего возраста,

охваченных желанием овладеть столь престижным в те годы инструментом...⁷

В 1975 году Виктор вместе с родителями отправился в Казахстан, на семейный праздник — 60-летие своего деда Цой Сын Дюна, где впервые познакомился со своими многочисленными родственниками. Как известно, у корейцев в жизни три главных праздника: первый год после рождения ребенка, свадьба и 60-летие. Это был сбор корейской родни в расширенном составе...

Впоследствии Виктор больше не видел своего деда. Цой Сын Дюн умер в 1985 году, когда Виктор уже стал рок-звездой. Но его дед до последнего волновался и переживал за своего «непутевого», по его мнению, внука. Кстати, вот тут можно упомянуть о драматическом факте в истории семьи Цой. После смерти Максима Петровича его совсем старенькая мама отказалась принимать пищу и тоже умерла от голода и тоски через 20 дней...

Еще в художественной школе Виктор Цой сдружился с одноклассником Максимом Пашковым. Именно в это время образовалась группа, которая чуть позже получила название «Палата № 6». Пашков, игравший тогда лучше Виктора на гитаре, взял на себя роли гитариста и вокалиста, а Цою досталась бас-гитара.

Максим Пашков:

Мы с Витей были знакомы с детства, лет с двенадцати. Учились в художественной школе на канале Грибоедова — с четвертого по восьмой классы. Правда, мало кто из учеников школы стал художником, но почти все как бы при искусстве. Мы с Витей ходили в один класс, вместе начали заниматься музыкой, правда, сначала только я хорошо играл на гитаре. Первые два года мы почти не дружили, а потом создали свою группу — тут все началось! Я, собственно, и учил Витю играть. Так как на бас-гитаре всего четыре струны, мы подумали, что для начала Цою будет проще всего освоить ее. Мы купили за 40 рублей в комиссионке бас-гитару. Я уже тогда был профи — лет с семи играл, даже какие-то песенки сочинял⁸.

Планы по приобретению художественного образования поначалу реализовывались успешно: после восьмого класса Виктор поступил в художественное училище им. Серова, в просторечии — «Серовку».

Георгий Гурьянов:

«Серовка» — жуткое такое советское режимное заведение. Я старше Виктора на год, поэтому мы не столкнулись там. «Свинья» говорил, что это «рассадник пацифизма», это абсолютная правда...⁹

«Палата № 6» просуществовала достаточно долго — около пяти лет, и стала для Виктора настоящей музыкальной лабораторией. Пашков (оставшийся доучиваться в художественной школе) приходил на репетиции в «Серовку», и на местном комплекте аппаратуры музыканты «Палаты № 6» разучивали пассажи из наиболее популярных композиций «Deep Purple» и «Black Sabbath».